

СПИРАЛЕВИДНАЯ ДУДКА

автор Марья Ивушкина

18+

Марья Ивушкина

Спиралевидная дудка

<https://litres.ru/74332562>

SelfPub; 2026

Аннотация

История покрыта мраком и ужасами, которые живут в сердце главного героя. Небольшая история про несчастное существо из ПГТ Солнцева по имени Сергей Васильевич Дудкин, которое по закономерной случайности получает второй шанс на обретение счастья.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ПЕРСОНАЖИ	8
КАРТА ГОРОДА	10
Глава 1. Голова полна супом из сожалений	11
Глава 2. Меня окружают глаза	23
Глава 3. Скажите мне, кто я такой?	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Спиралевидная дудка

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта повесть писалась шесть лет. Да, мне понадобилось целая четверть моей жизни, чтобы наконец сотворить то, о чем я мечтала. Первая интерпретация книги, которую я никогда не опубликую, была недописана и брошена в 2020 году. Благодаря некоторым обстоятельствам я вернулась к этому произведению и решила его реинкарнировать во что-то действительно стоящее.

Первоначально эта книга называлась «Морозное утро». Это было произведение про несчастного одинокого мужчину, который хотел через занятие собой стать лучшим папой для своего сына, который по его вине оказался в коме. Все было спокойно и по-доброму, никаких смертей (за исключением факта смерти жены главного героя), никаких серьезных проблем (кроме алкоголизма главного героя), и вообще эта повесть должна была быть тихая и размеренная с добрым концом.

Мое глубокое влечение к психическим заболеваниям дало мне пищу для размышлений. Некоторое время я не решалась написать нечто подобное, но само название жанра «психологический хоррор» будоражило меня и манило. Мне за-

хотелось передать через эту книгу весь ужас и ту спутанность сознания, о которой я много читала. Захотелось заглянуть за эти кулисы ужаса и страха, которые держали меня в напряжении во время написания «Спиралевидной дудки».

Кратко расскажу суть названия данного произведения. Спиральное движение — это суть нашего мироздания, в теософии — символ Змеи. Спираль — метафора пути героя, его личной эволюции, осознания себя и мира. Это достаточно интересная пространственная кривая. Я очень люблю этот элемент. Ну и это несуществующий инструмент — спиралевидная дудка. Из-за такой формы инструмента меняется расположение отверстий и усложняется контроль. Искаженное нечто — искажение реальности. Символ безумия. Ну а дудка это отсылка к фамилии главного героя.

Можно сказать, что я ФИЗИЧЕСКИ выложились в это произведение, и, разумеется, эмоционально. Были дни спадов и абсолютного нежелания писать, нежелания думать и представлять. Но были и замечательные моменты вдохновения, от которых не только я получала удовольствие, но и мои любимые первые читатели. Это те люди, которые прошли со мной каждую главу и редактуру. А именно:

моя любимая мама, моя любимая сестренка и моя любимая тетя!!!

И, пожалуй, перед началом рассказа отвечу на вопросы

моих любимых женщин, которые были со мной во время написания этой книги.

Мама: *«Какое ощущение было когда книга была закончена? Ее написание заняло несколько лет. Долгий срок. Какие чувства и эмоции по итогу окончания книги?»*

Ответ: Это заняло действительно много времени. Как любой автор, любящий свое детище, я вынашивала его, кормила новыми главами, фишками, деталями, дополняла его и редактировала. Когда мое детище выросло и смогло стоять на ногах прочно, я восхищалась им. Когда повесть была закончена, я получила невероятное удовлетворение.

Сестренка: *«Что помогало тебе не опускать руки, когда не хотелось писать?»*

Ответ: Самое главное — не утруждать себя. Искусство — это не про насилие над собой, это про чувство и легкость. При написании книги автор буквально собирает свое детище по кускам: сегодня я придумал конец, завтра ко мне пришло вдохновение и я немного пописал, следующую неделю я медленно вынашиваю следующую главу, наблюдая за окружающим миром и заглядывая в себя перед сном. Чтобы не опускать руки, необходимо постоянно питаться идеями: смотреть что-то, читать, гулять, размышлять, представлять.

Тетя: *«Спасет ли мир любовь?»*

Ответ: Любовь сама по себе не сможет прекратить войны и остановить катастрофы, но она может менять людей изнутри. Любовь в своем естестве великолепна и способна на очень многое, но не стоит думать, что это какая-то «волшебная таблетка от всех болезней». Мир нуждается в любви, но она не сможет его излечить. Нет. Любовь тихая и осторожная, а не громкая и всеобъемлющая. Она бывает разная и охватывает разных людей. Ни в коем случае не надо ее стесняться! Если любовь спасает человека и придает ему смысл жизни, ни одна преграда не способна ее остановить!

ПЕРСОНАЖИ

Дудкин Сергей Васильевич (первый главный герой) — человек, получивший по закономерной случайности второй шанс на счастье. (**недочеловек**)

Уроборос (внутренний голос) — прямолинейный, саморазрушительный голос внутри Дудкина (находится отдельно от остального текста, выделяется жирным шрифтом)

Сознание (*внутренний голос*) — ласковый, трусливый голос внутри Дудкина (находится отдельно от остального текста, выделяется курсивом)

Николай Таблоид (второй главный герой) — человек, чье открытое сердце исцеляет чужие души. (**ангел-хранитель**)

Пашка (сын Сергея Васильевича) — самый замечательный на свете золотовласый ребенок. (**солнце**)

Екатерина Яблонская (давняя подруга Сергея Васильевича) — душевная, полная медсестра. (**яблоко**)

Людмила Леонидовна (сестра бабушки Николая Таблоида) — набожная старушка. (**икона**)

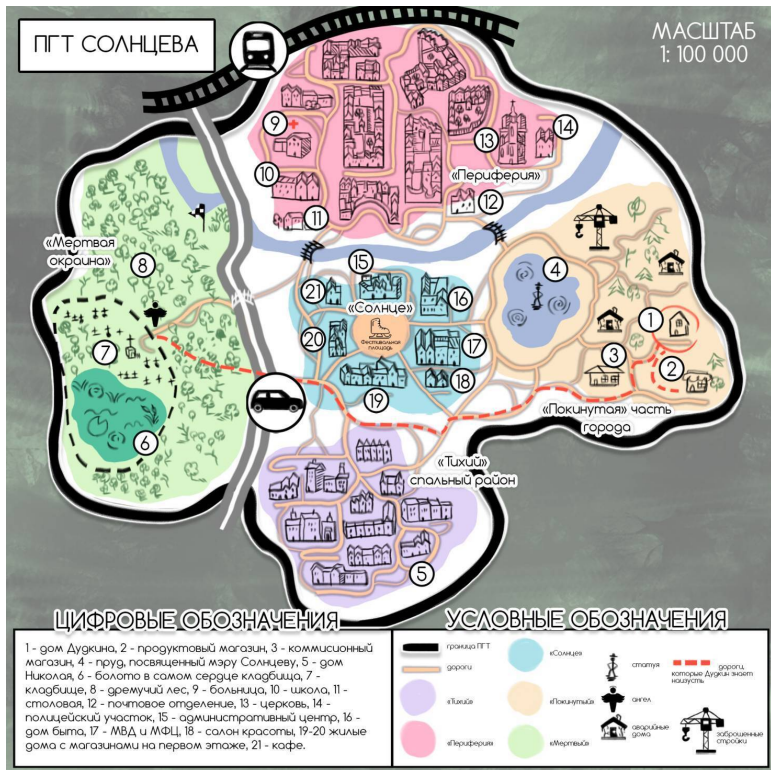
Зинаида Андреевна Колочая (пожилая женщина) — вредная пожилая женщина, гуляющая вокруг пруда. (**глаза**)

Куксик (пес Зинаиды Андреевны) — пес Зинаиды Андреевны. (**нюх**)

Оксана Многорукая (жена Сергея Васильевича) — сумасшедшая женщина, мечтающая о рождении девочки. (**руки**)

Настасья Пери (возлюбленная Николая Таблоида) — непростая красotka. (**фея**)

КАРТА ГОРОДА

Глава 1. Голова полна супом из сожалений

*«Стук в дверь, но мне
казалось, что я остался один во всем мире.*

*Не осознавая, почему все еще дышу — падаю вниз, словно
камень в воду.*

*Если ты понимала, что я ошибался — я последний, кто
узнал об этом.*

*И если вы вернетесь ко мне, я никогда не попрошу о боль-
шем...»*

* * *

Маленькая черная коробка в глубине карточного домика. Пыльный туман оседает на всю оставшуюся мебель. Если вдруг произойдет какое-либо движение в коробке, туман разбухнет и заполнит собою воздух, проникая в легкие. К слову, мебели осталось не так много — обоссанный матрас и пузатый телевизор, остальное либо продано в комиссионку, либо пришло в негодность.

В коробке вдруг еле уловимая жизнь проснулась. Что-то живое, хоть и полумертвое. Что-то маленькое, беззащит-

ное, жалкое. Как брошенный облезлый котенок. Это создание полное гнойниками и накаченное спиртом, сжавшееся от агонии и тяжести страданий.

Согнувшееся пополам существо содрогнулось, тихо скуля от тисков у висков. Существо инстинктивно потянулось за анестезией, но бутылка в ответ прозвенела пустотой.

Ему хочется снять с себя кожу, как одежду. Содрать ее, оголить мясо и нервы, кости и жилы, выцарапать ногтями под дерму и сорвать без сожалений... а затем сожрать.

Из последних сил переместив свой клубок нервов и мышц в пространстве, существо очутилось на мрачном полу. Неприятный удар, холод прижался к оголенному пузу и морде существа, чуть отрезвив.

Существо медленно приподнялось, узкая полоска света упала на него. Небрежная бородатая опухшая морда, красная, несуразная. У любого, кто увидел бы его сейчас, эта картина вызвала бы рвотные рефлексy. А какой запах стоял в затхлой, кислой комнате. Отвратительный.

Так погодите, это никакая не морда... Это человеческое лицо! По крайней мере было им когда-то, пока не претерпело отвратительные уродования.

Всеми виной весь мир. Всеми виной вселенская боль. Всеми виной судьба сука, которая так поиздевалась над этим

несчастливым созданием.

Неведомая сила ткнула недочеловека в лоб. Кто-то сухо рассмеялся.

Что есть у тебя в этом существовании? Время? Скорлупа, в которой ты маринуешься, пока не засохнешь трупом на матрасе? Груда костей и жира, которую ты стараешься как можно быстрее положить в могилу? Скажи мне, тебе больно?

Недочеловек заплакал. Слезы обжигали обледеневшее лицо, гримаса скорби и мрака застыла на нем. Губы мягко разомкнулись, глаза округлились. Горло чуть напрягается, но не может издать и звука. Только пустой воздух вырывается изо рта. Вдруг тихий, срывающийся стон. Такой жалостливый, звенящий. Больно. Конечно больно.

* * *

Рой насекомых по всей комнате, мухи откладывают яйца во рту. Телевизор давно перестал показывать внешний мир и шипел из последних сил, раздавая черно-белые шумящие волны вместо фигурного катания.

Этот недочеловек был наречен своей матерью именем *Сергея*. Отец его был пусть и нехорошим недочеловеком, но

все же имя у него было — Василий. Ну а некогда семья Дудкиных проживала в маленьком поселке городского типа под Солнцем. *Сергей Васильевич Дудкин* из ПГТ Солнцева. Так можно было обозначить этого недочеловека. Так звали его по документам, которые у него были когда-то.

Этому тучному, обиженному судьбой наполовину человеческому созданию больно дышать, больно двигаться, *больно жить*. Очень больно. Больнее, чем сама боль.

Не у всех получается наложить на себя руки. Только самые смелые могли себе позволить такую роскошь как *быстрая смерть*. Желудок сжимался от пустоты. Он не ел уже пару дней точно. Только накачивал себя алкоголем. Верная смерть, хоть и медленная. Сергей Васильевич просто надеется, что одним днем у него остановится организм.

А пока нужно сходить в магазин. Это очень трудно и страшно, но умирать с голоду он не хотел. Только не так. Лучше умереть в бреду, бессознательно, под анестезией.

* * *

Сегодня необходимо выйти в реальный мир. Знать бы еще что означает это *сегодня*. Когда это сегодня? Во сколько это сегодня? Какой *сегодня* день, неделя, месяц, год? Знал бы Дудкин ответ на эти вопросы.

Выглянув в щель приоткрытого окна, недочеловек увидел мрак, ощутил сырость и озноб. Вокруг все коричневое, сля-

котное, мокрое и **мертвое**.

«Осень...» — промелькнуло в мыслях у недочеловека. «Прекрасное время». Как хорошо, что такие элементарные вещи как время года Дудкин еще может опознавать.

Недочеловек внезапно задумался о том, что может заболеть, если сейчас выйдет из квартиры в таком несуразном виде — обрыганной футболке и трусах.

Боже мой! Ты задумался о собственном теле! Посмотри, посмотри сюда! Взгляни в зеркале на свое отвратительное бренное тело, завернутое в одеяло из человеческой кожи! Узри же, что ты с собой натворил!

Краем глаза Дудкин заприметил накрытое белоснежной простыней зеркало. Только сейчас недочеловек вспомнил, что накрыл его в тот день, когда умерла его жена. Он осторожно снял простыню. На ощупь она была тяжелая и грязная, словно состоящая полностью из пыли, но несмотря на это оно было необыкновенно чистого белого цвета. Он отошел на пару шагов, чтобы посмотреть на себя. Благо зеркало было в полный рост.

Какой кошмар... Одна большая, сочащаяся жиром субстанция смотрела на него в отражении. Неужели это кряхтящее, состоящее из отдельных кусков плоти, страшное недоразумение в зеркале — я?

* * *

Еле-еле натянув на себя старую дырявую куртку и потертые джинсы, Дудкин приготовился покидать квартиру. Не без труда дернув ручку двери, она отворилась, а за ней была огромная спиралевидная лестница. Она танцевала какой-то морской танец. Извивалась как волны, словно дышала океаном. Ступеньки также плыли перед глазами, разбегались в разные стороны, как тараканы, а внизу были слышны крики и ужасные стоны. Возможно, Сергей Васильевич сегодня все таки упадет с лестницы и свернет себе шею. Это уже как сука судьба распорядится.

У недочеловека не было ничего — даже ключей от собственной квартиры. Правда это была не его квартира, а его покойной жены. Неизвестно, куда девался ключ. Может он его банально потерял, когда убегал от злых теней, а может он его проглотил по ошибке, когда был очень пьян и голоден. Неизвестно. Приходилось подсовывать в дверную щель какую-нибудь ветошь, чтобы она не захлопнулась. Ведь ее можно открыть только изнутри.

Прижав входную дверь тухлой тряпкой, Сергей обернулся лицом к лестнице и несколько минут разглядывал ее. Он пытался уловить закономерность ее движений, но они оказались хаотичными. Никакого рисунка, никакой последовательности. Только живое движение. Будто ее связали верев-

ками, а она пытается извиваться всем телом, чтобы вырваться.

Смотри, все просто: видишь этот просвет между маршами? Прыгни в него рыбкой. Как в детстве, когда ты с мамой, пока она была жива, плавал на речке, помнишь? Там был такой дряхлый мостик, который скрипел страшно. Однажды ты прыгнул на него, а он внезапно рухнул, и кусок бревна проткнул тебе мягкую часть твоей детской руки. Но тебе ведь было весело, хорошо было. Это было время твоего безмерного, беззаботного счастья.

Недочеловек заулыбался. Тепло растеклось по его груди. Губы растянулись до такой степени, что заболели щеки. Неужели он правда когда-то был счастливым, беззаботным ребенком? Неужели он действительно может испытывать что-то подобное? А если он прыгнет в просвет, он сможет испытать это снова?

Нет. НЕТ! Нельзя. Нельзя. Нельзя прыгать в просвет на девятом этаже. Тогда он точно умрет, тогда точно будет сломанная шея и реки крови. Страшно. Страшно. Нельзя. Не хочу.

Сергей Васильевич помотал головой и отбросил эту

мысль. Так делать нельзя. Сейчас умирать слишком рано.

Есть одна вещь, которая держит его в этом мире — его сын Пашка. Такой маленький, солнечный мальчишка с золотыми волосами. Этот мальчик с рождения был добродушным и чутким ребенком, редко капризничает и поднимает окружающим настроение одним лишь своим присутствием.

Он потерялся. Испарился. Его сын находится в неизвестном пространстве, где-то между сном и явью. Каждую ночь образы посещают Дудкина, он вспоминает его запах, его глаза, его улыбку, но не может вспомнить, где он.

* * *

Опасно спускаться по лестнице. Каждый раз очень опасно. Дудкин спускался по ней не часто, максимум раз в несколько дней, но каждый раз это было настоящим испытанием. Все шло по одному и тому же сценарию, как день сурка. Крики снизу не давали недочеловеку сосредоточиться на танцующей лестнице.

Ты ведь уже взрослый недочеловек! Божественное недоразумение человека, а не уязвимый зародыш! Давно уже пора научиться без последствий ходить по лестнице! Это ведь совсем несложно, ноги сами должны нести тебя. СОБЕРИСЬ, МЕРЗКИЙ КУСОК ЧЕЛОВЕКА!

Не надо кричать, ему ведь страшно! У этого убогонького недочеловечка нежные мозги, как ты этого не поймешь! Он ведь едва осязаемый, ты посмотри на него! Зачем же так издеваться?

Этот убогонький скоропостижно скопытится, если ничего не предпринять...

— ХВАТИТ!

...

Внезапный крик отозвался по всему холодному, каменному подъезду глухим ревом. Крики снизу затихли, лестница в ужасе замерла.

Вот видишь. Величие - сила. Сила способна убить любые страхи. Вмиг все стены разрушены, мир преобразается от одних твоих мыслей, потому что ты - Бог, способный управлять этой реальностью!

А вдруг у него снова случится припадок...?

— Заткнитесь оба, — снова прорычал голос, но уже значительно тише, так, чтобы только носитель этого голоса мог

расслышать.

Голоса умолкли. В голове звон, внизу тишина, на улице завывает ветер. Было непривычно, чтобы оба голоса говорили одновременно, да еще и между собой. От непривычки Дудкин даже перенервничал и накричал на них.

Сложно было в таком нервном состоянии спускаться с лестницы, пусть даже та уже больше не танцевала. Чтобы успокоить сознание, недочеловек решил оглядеться.

Перед глазами прямоугольник с очень-очень острыми углами. Ими можно уколотся, даже если просто смотреть на них слишком долго. За прямоугольником холодная решетка, за решеткой — холодная осень.

Мусоропровод с разинутым зубастым черным ртом, который будоражит сознание и не хочет, чтобы от него отводили взгляд. Вокруг мусоропровода лужи мочи и мокрые газеты, на которых по ночам спят одинокие тени. Эти тени без своего жилья, без тепла, без любви, живут в этом холодном, темном мире в глубоком одиночестве. Дудкин ощущал себя тенью, разве что у него было, где жить.

Все поверхности в округе грязно-зеленого цвета, вокруг пахнет затхлостью и жидкими бытовыми отходами. Недочеловек ощущал себя в желудке какого-то огромного зеленого монстра, который переваривал его.

Дудкин снова взглянул на лестницу, которая выжидающе глядела на него, приглашая наступить на себя. Она ласково заулыбалась и начала зазывать недочеловека вниз тихим

монотонным пением. Сделав шаг, Сергей Васильевич почувствовал тепло под ногами, будто наступал на большое теплое животное босыми ногами... Один шаг, второй, третий, и вот недочеловек медленно спускается вниз по спирали.

Добравшись до последнего пролета, Дудкин решил сделать перерыв, так как его сознание нуждалось в отдыхе.

Он снова переключил свое внимание на окружающую действительность. Самый обычный вонючий, старый подъезд. Деревянная дверь с глубокими дощатыми разрывами по всей поверхности, а рядом... Раз, два, десять, пятнадцать... очень много почтовых ящичков. Ящички, каждый из которых привязан к своей квартире в девятиэтажке. Они, как и все вокруг, такие ржавые, страшные. Словно им так много лет, что никто уже и не помнит, даже они сами.

Вдруг стены натянулись, как кожа, расползлись повсюду, а почтовые ящички обратились холодильными камерами для трупов, и из них начала стекать гниль. Встал в воздухе запах, от которого щипало в носу и щекотало в горле. Дудкин резко согнулся и покатился кубарем с последнего пролета, больно ударившись спиной об ступеньку.

Вот засада...

Я же тебе говорил, а ты меня не слушал! Что же теперь делать? Он ведь такой хрупкий!

Голова пошла кругом. Ноги нести перестали, подкоси-

лись. Грудь сомкнулась как капкан, сердце мечется в капкане испуганным, раненым зверьком. Дыхание рвет легкие и горло. Тело накалилось железом, плавилось как от раскаленного огня.

Он хочет, чтобы его ударили чем-то, да потяжелей и по-сильней. «Выкуйте из меня что-то стоящее, не оставляйте плавиться в печи.»

Остается только ждать и надеяться, что он не разобьет себе голову об стену, как в прошлый раз...

Но все обошлось. Голова охладилась в тот момент, когда недочеловек вырвался из заточения огромного темного дома и оказался на прохладной улице.

* * *

«Я сломлен, но хватит уже быть трусом.

Так улыбаются, когда ныряют в бездну, зная, что пути назад уже не будет.

Но если я увижу твое лицо, когда лишусь чувств, мне больше никогда не захочется вернуться назад...»

Глава 2. Меня окружают глаза

Оставшись в живых после спуска со злосчастной лестницы, Дудкин почувствовал облегчение. Первое испытание пройдено. Наверное самое тяжелое из предстоящих.

Густой туман поглощает все вокруг. Он похож на вязкую сметану, которая облепила собой даль и крыши домов. Казалось, что даже воздух наполнен этой сметаной, потому что дышать было трудно. Холодно как в морозилке, хотя листья вот-вот пожелтели. Погода грязная и неприятная.

Вот оно. Снова. Как только Дудкин выходит на улицу, каждый раз словно тысячи глаз пялятся на него, хотя вокруг ни души. Словно он попал в тесный рыбий косяк, и эти рыбы наглым строем толкали его в обратную сторону. Обернувшись во все стороны, недочеловек в очередной раз убедился, что он один-единешенек на всей улице, но страх сковывал, сжимал мертвой хваткой за горло.

Эти шаги вернулись. Снова эти до боли знакомые шаги за спиной. Кто же это может быть? Почему снова никого нет?

Шаги опираются на одну ногу, словно вторая ведомая, словно ее волочат за ведущей. Шаги такие тихие, едва разли-

чимые, но очень ощутимые физически. Кто-то идет медленно, осторожно ступая, путаясь в двух своих ногах, но шаги ВСЕГДА направлены к Дудкину. И всегда ощущаются позади. Этот непонятный то ли человек, то ли неизвестное существо следует за Сергеем Васильевичем каждый раз, когда тот выходит из дома, и никогда не отстает. Однако всегда держится поодаль. Не подходит слишком близко. Но это ощущение преследования неприятно щекочет мозги.

Каждый раз, когда Дудкин выходит на улицу, его также преследует одно и то же чувство. В двух словах его объяснить не получится. Во рту у человека висит язычок, который участвует в рвотном рефлексе. Он такой мясистый и висит на тонком таком лоскуте мяса. Вот нутренности (все его органы, чувства, эмоции, собранные в плотный мясистый мешок) недочеловека висят на такой же маленькой нитке, тоненькой, как сердечные струны, и такой же ломкой. И страх, что пробуждается изнутри, когда четыре до боли знакомых стены больше не окружают Сергея Васильевича, словно бы оттягивает все эти нутренности назад, припрессовывая их к позвоночнику. А этот тоненький язычок вот-вот норовит оторваться. Именно это чувство не покидает недочеловека.

Дудкин оказался рядом с прудом. Цоканье впереди. Из густого тумана выходит тень с маленькой собачонкой (у которой было разорвано тело: можно легко разглядеть ее кишки, которые при ходьбе болтались под брюхом, даже ее скелет). Горбатая тень цоклет своими маленькими каблучками.

Чуть приглядевшись, можно было разглядеть ее выпученные глаза. Они так широко открыты, что казалось вот-вот и они вывалятся из ее глазниц или лопнут. Этот безумный взгляд внимательно наблюдает за Дудкиным, ни разу не моргнув.

Эта тень появилась на том же месте в то же время. Все хорошо, все стабильно. Все в порядке, мой убоженький.

Однако в этот раз тень не прошла мимо. Она загородила дорогу Дудкину.

А вот это уже нехорошо...

Женщина с выпученными до невозможного широко глазами, улыбнулась своей собачонке и потянула за поводок, после чего собака болезненно застонала, и ее органы продолжали показываться. Все больше и больше крови.

Недочеловек как можно безопаснее пытался проскочить мимо нее, но она двигалась с ним в унисон.

— Сыдрастье... — послышался гнусавый злобный голос. — Хотите поглотить собашку? ДА, пожалуста! Вод, съешьте ее.

Дудкин на секунду помешкал, прежде чем наклониться к несчастной собаке, он обратил внимание на свои ужасные лапища. Однако, когда собака подняла на Дудкина свои глаза, они ослепили его. Сергей Васильевич оттолкнул страш-

ную тень и побежал в сторону магазина.

Недалеко от его дома стоит гастрономический магазинчик, в котором в основном продавалась: вяленая рыба, чипсы, пиво, водка, ну и так, по мелочи. Этот густой туман прятал магазинчик, но хорошо, что Сергей Васильевич помнил эту тропу наизусть.

Заметив знакомые очертания, он прозвенел входным колокольчиком и встал у прилавка. Громадная борода под губой примерзла большой сладкой ватой к подбородку, она была омерзительно грязна от кусочков еды и спирта. Недочеловек рылся в своем кармане и надеялся, что там есть хоть 100 рублей на пиво с чипсами. Вывернув карманы штанов наизнанку, он обнаружил только какую-то горстку потертых монет. В уме крутилась карусель из разных мыслей, в том числе возникали образы разорванного тела собачки и выпученных глаз тени. Страх сжал ему горло, и он почувствовал, что что-то тяжелое и неведомое подступает к нему. Начав судорожно считать монеты на своей дрожащей ладони, он снова услышал колокольчик и ощутил чужое присутствие спиной. Он боялся обернуться... Вдруг подходит кто-то неведомый. У него... нормальное лицо? Он совсем не похож на тень. Дудкин долгое время рассматривал лицо напротив. Лицо обратило на это внимание и улыбнулось.

— Здравствуйте!

Боже... недочеловек так давно не слышал нормальную человеческую речь, так давно не ощущал такое умиротворение

внутри. Паника тут же отступила. Человек заметил, как старый недочеловек (больше похожий на запойного бомжа) с тремором в руках судорожно перебирал монеты, и человек почувствовал, что должен помочь.

— Не переживайте! Я добавлю! Сколько не хватает?

Что...

Что...

Взглянув в его голубые, как спокойное летнее небо, глаза, Дудкин потерял дар речи... Почему человек казался ему невероятной красоты? Хотя внешность его объективно была непропорциональная и несуразная. Но эти глаза... В них было так много тепла и уюта, которого Дудкин не ощущал, кажется, целую вечность.

Разобравшись с чипсами и пивом, которые так любезно были вложены в руки Дудкина, человек купил себе обычную воду в бутылке, развернулся, вышел из магазинчика и растворился в тумане.

А если мы больше никогда его не найдем? Если туман сожрет его и выплюнет одни лишь кости?

Этот юноша появился неспроста, я думаю, что судьба нас еще сведет вместе и не один раз.

* * *

Сердце бросилось в пляс, кружится голова, так как воздуха катастрофически не хватает, так еще и колени подводят — возраст и лень не дали плоды, а украли все что было. Сергей сломя голову убежал от огромной собаки, у которой из рта и носа валил дым, а глаза были красны как раскаленная лава. Это чудище мчалось со скоростью рыси, маневренно преодолевая препятствия на своем пути и не выпуская добычу из поля зрения. Дудкин, убегая, на удивление не позволял псу приближаться ближе чем на несколько метров. Воздух царапает лицо холодом, а впереди только туман и не видно ни зги. Куда бежать? Бежать некуда. Разве что развернуться и побежать в пасть той твари.

Внезапно — позади яркий свет. Сергей осмелился оглянуться и увидел такую картину: огромная черная собака безостановочно бежит, но вдруг появляется какой-то луч света позади, настолько яркий, что можно было пересчитать ребра. Луч становился все ярче и ярче, и вдруг пузо пса начало расходиться по швам. Вдруг — взрыв. Пса больше нет. На его месте теперь... парнишка??? Юноша бежит трусцой в наушниках, и как только замечает Дудкина, вынимает один наушник из уха и говорит:

— Доброе утро! Вы тоже на пробежке? Как здорово! Никогда не поздно заняться собой. Но вот бег я бы Вам не советовал — для людей с Вашим весом это может быть травмоопасно, нагрузка на колени и все такое...

Пока парень без умолку говорил, недочеловек согнулся пополам, чтобы перевести дыхание. Внезапное осознание — это шанс хотя бы узнать имя юноши!

Разогнувшись Дудкин протянул руку вперед и попытался издать хоть малейший звук, но все тщетно. Парень убежал и его снова поглотил туман.

* * *

Хоть недочеловек не может назвать ни дату, ни год, зато он умело считал дни. На каждый десятый день Дудкин шел на кладбище, где была похоронена его жена. Путь был не близок, но Сергея Васильевича это не останавливало. Пробирался дебрями, лесами и хордой (главной автомобильной дорогой в городе) к местности под названием «Мертвая окраина». В эту местность входил дремучий лес и кладбище с болотом.

Каждый раз почему-то Дудкина ноги сами несли до большого лысого дерева с засохшими ветками и толстым стволом. Дуб, надо полагать. Он стоит неподалеку от дремучего леса, за которым прячется кладбище. И ведь сам того не понимая, глядел на этот сухой дуб и ощущал с ним родство. Будто какая-то тонкая нить была между ними. Словно они созданы друг для друга. Недочеловек некоторое время смотрел на дуб, не думая ни о чем, а затем отправился туда, куда собирался.

При входе на кладбище стояла статуя ангела. Она мягко дышала, ангельская грудь вздымалась и плавно опускалась. Можно было даже расслышать ее плач где-то в глубине леса, если прислушаться. Она смотрела вниз своими пустыми глазницами, полными слез. Дудкин чувствовал, как страдания ангела проникают в его душу, и сам начал плакать. В этот момент он понял, что ангел — это не просто статуя, а воплощение всех тех, кто когда-либо страдал и потерял надежду. Он был символом нашей общей боли и нашей общей судьбы. Ладони ангела были раскрыты и направлены вниз, словно он питал своими слезами эту мертвую землю.

Кладбище практически ничем не огорожено — разве что кое-как приколотые дощечки по периметру, которые качаются от ветра как деревья и держатся на божьем слове. Калитка не блокируется, замка на ней нет, поэтому сюда может зайти любой проходящий. Чаще всего здесь бывают бомжи и готы. Что же их объединяет? Они ищут конфеты, недопитые бутылки водки и цветы.

Скрипнув ржавой калиткой, Дудкин шел по тропе, в самую глубь, там где холодно и темно, как в холодильнике для трупов. Осмотрев знакомую местность, он заметил маленькую горку земли, а в нее был воткнут самодельный деревянный крест. Начался дождь, перемешиваясь со слезами.

Здесь она и лежит. В сырой земле. Бедная, несчастная женщина, которая просто хотела защитить себя...

ОТ ТЕБЯ.

Дудкин продолжал безостановочно плакать.

Он прекрасно осознавал, что это все его вина. Это было самое ужасное, что он сотворил в своей жизни. Он не должен был ее отпускать.

Неподалеку Дудкин сквозь слезы заметил, как проходили чьи-то похороны: столпились черные тени, настолько черные, что они сливались с меланхоличным пейзажем. Тень-священник произносит речи. Все стоят в печали и со сложенными перед собой ладонями, среди этих теней Сергей заметил знакомое юношеское лицо. Парень стоял с зонтом и печально смотрел в глубокую яму, положив руку на плечо старой женщины-тени в инвалидном кресле, которая горько плачет и перекрещивается. Юноша заботливо прятал ее под своим зонтом. Рядом стоят две тени — большая и маленькая — видимо мать с дочкой. Большая тень протягивает маленькой наполовину выпитую бутылку водки, чтобы та согрелась. Тень-священник мягко закрыл свою книгу, сказал напоследок что-то невнятное, и тени начали расходиться.

* * *

«Сегодня я снова был с тобой.

Ты почему-то была такая счастливая...

Что случилось? Это из-за того парнишки, да?

Я ведь вижу, как ты на него смотришь и улыбаешься...»

Глава 3. Скажите мне, кто я такой?

— Так, Сергей Васильевич, расскажите мне про ваше детство. Каким оно было?

В кипенно-белой комнате стоит стол, за которым сидит психиатр, на другом же стуле, сгорбившись, сидел недопациент. В наручниках. Вокруг невыносимая стерильность.

— Обычным оно было...

— Из разговора с вашей старой знакомой, бывшей одноклассницей, мы узнали о том, что вас часто обижали в школе и издевались ужасными способами. Расскажите поподробнее об этом времени.

— Ничего такого не было...

— Ну, Сергей Васильевич, зачем ж вы врете? Я ведь для вас стараюсь. Мне нужно хорошенько изучить природу вашего поведения, чтобы помочь вам, — давящая на мозг тишина, вкупе с белыми стенами, полом и потолком создает ощущение белого шума. — ...Ну хорошо. Сергей Васильевич, сколько классов вы окончили?

Он хочет сломать тебя. Хочет забраться в тебя с ногами, да поглубже.

—... Семь, — через время отвечает недопациент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.